Gorynicz Еврейскій и польскій вопросъ

А. ГОРЫНИЧ

ЕВРЕЙСКІЙ

И

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЫ

В РОССІИ

И ИХ РАЗРѢШЕНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

1906

А. ГОРЫНИЧ

ЕВРЕЙСКІЙ

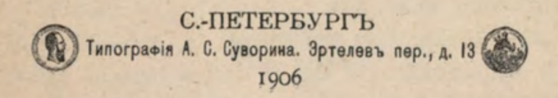
И

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЫ

В РОССІИ

И ИХ РАЗРѢШЕНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ



Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1906


Fundacji im. I. I. Michalskich
Ze zbiorów

В 1904 году в Кіевѣ вышла в свѣт небольшая брошюра Л. А. Куперника—«Еврейское царство». Эта брошюра заслуживает всяческаго вниманія и по спокойному, академическому своему тону, и по мыслям, в ней изложенным, и, наконец, по личности самого автора. Л. А. Куперник, нынѣ умершій, был человѣк весьма уважаемый во всем юго-западном краѣ. Почтенных лѣт, широко образованный, он был извѣстным присяжным повѣренным; был человѣком большого ума и таланта. Нам самим не раз удавалось слышать в судах его рѣчи—и дѣльныя, и горячія, и увлекательныя. К тому же, он был чужд всякой исключительности; был женат на коренной русской и, вообще, стоял выше всякой мелочности. Мы нарочно подчеркиваем эти подробности, чтобы заранѣе выяснить наше полнѣйшее уваженіе к личности покойнаго, а слѣдовательно—и к его мыслям. Но в его брошюрѣ есть цѣлый ряд мыслей, с которыми надо полемизировать—и по существу, и в частностях.

Всѣх евреев в Россіи до $5^1/_2$ милліонов. Это составляет, в среднем, 4,13% всего населенія

Такой ничтожный % не может ничѣм угрожать остальным 95%. Автор горячо возстает против самой мысли об основаніи какого-то новаго «Еврейскаго царства», гдѣ бы то ни было. Он считает не только фантазерами, но даже врагами еврейства всѣх тѣх, кто думает о таком царствѣ. Единственно возможным, естественным и гуманным выходом для русских евреев он считает слѣдующій: «евреи должны сдѣлаться русскими; они должны добиваться этого всѣми силами—безкорыстно и нелицемѣрно, настойчиво и неотступно». Но для этого и государство, и общество русское должны пойти навстрѣчу евреям. Не только всякія ограниченія должны быть уничтожены, но и самое слово «еврей» должно быть вычеркнуто из законодательства. Нѣт никаких евреев — есть только равноправные граждане. И тогда могучій русскій организм «ассимилирует» 5 милліонов племени «энергичнаго, бойкаго, способнаго, трезваго и трудолюбиваго»,—и обѣ стороны лишь выиграют от этого.

Кто говорит—мысль прекрасная. И если бы она осуществилась,—это было бы идеальным и глубоко человѣчным разрѣшеніем вопроса. Но дѣло в том, что скептицизм невольно подымается со дна души. И этот скептицизм в равной мѣрѣ относится к обѣим сторонам, участвующим в рѣшеніи вопроса. С одной стороны, пожелают ли и смогут ли евреи пойти навстрѣчу русскому

обществу, так искренно, как то совѣтует автор. Захотят ли они «жить общею жизнью с русским обществом; нести его тягости, скорбѣть его скорбью, болѣть его болѣзнями». Закроем на минуту глаза на несомнѣнные факты, которые говорят противное. Не будем придавать значенія, напримѣр, массовому уклоненію евреев от воинской повинности. Не станем подчеркивать и того, что в политическом движеніи послѣдняго времени евреи выдвинули цѣлую революціонную армію. До послѣдняго автор брошюры не дожил. Да и все это можно, при желаніи, обяснить и иначе. К военной службѣ евреи, вообще, не чувствуют себя склонными. Революціонеры есть у нас не только евреи, а даже свои земцы и т. под. Скажем себѣ, что одна из сторон — евреи захотят совершенно искренно стать людьми русскими, глубоко преданными своей родинѣ (чѣм и люди русскіе не так уже блещут, как доказал хотя бы опыт послѣдней войны). Еще больше сомнѣній возбуждает во мнѣ другая сторона. Захочет ли и сможет ли весь русскій народ, в широких его слоях, пойти по этому пути—широкаго, христіанскаго и искренняго благоволенія. Сможет ли этот народ, который только что на призыв к свободѣ отвѣтил дикими еврейскими погромами,—сможет ли он забыть расовую и религіозную, хотя бы и безсознательную, чуть ли не инстинктивную, антипатію! Сможет ли он забыть вѣками нако-

плявшееся раздраженіе; сможет ли из темноты своей подняться на большую нравственную высоту и сказать себѣ: «нѣсть Еллин, ни Іудей». Признаться, я сомнѣваюсь в этом еще больше, чѣм в искренности еврейства; еще меньше вѣрю в осуществимость идиллической этой картины. А между тѣм жить нужно. С одной стороны, только что объявлены «свободы». В свободном государствѣ исключеніе каких-либо граждан из обще-гражданских прав есть нѣчто недопустимое и безсмысленное, раз по суду они не опорочены. С другой стороны,—евреи дружны, организованы, или склонны к организаціи не в примѣр нам самим. До сих пор они всегда были склонны оттѣснять конкуррентов, кто-бы они ни были. И это совершенно законно, раз рѣчь идет о борьбѣ. Но, не будет ли это накладно? За что же, в концѣ концов, должны мы сами оказаться на задворках, будучи у себя дома?

Вот этот вопрос—«за что-же» нам кажется и весьма важным, и подлежащим всестороннему разсмотрѣнію. Быть может, мы так уже плохи, что в самом дѣлѣ ничего лучшаго не заслуживаем. Тогда скромненько встанем в сторонку и будем получать лишь то, что нам оставят. Мы обнаружили большую скромность уже на зарѣ нашей исторіи («приходите княжить и володѣти нами»). Такую же скромность мы обнаружили слишком много раз в нашей исторіи (напр. Бер-

линскій конгресс). Совершенно очевидно, что за эту сугубую скромность получим мы мзду на небесах. Не будем же пещись о благах земных; и пусть всѣ лучшіе куски идут мимо нас!..

И так, вот вопрос капитальной важности: в самом ли дѣлѣ мы так уже плохи? Быть может, в нашей исторіи и общественной жизни мы так много обязаны евреям, что будет *справедливо* посадить их в красный угол, а самим остаться поближе к порогу. Вѣдь и Л. А. Куперник говорит, что «евреи имѣют свои *огромныя* заслуги в дѣлѣ нравственнаго развитія человѣчества».

Раньше, чѣм говорить о человѣчествѣ, поговорим о нашей родинѣ. Мы не станем вспоминать исторіи Малороссіи, исторіи польскаго владычества в юго-западном краѣ. Точно извѣстно, что евреи, под покровительством шляхты, съиграли роль печальную по отношенію к малорусскому народу. Эти именно *историческія* воспоминанія живут в народѣ, хотя бы в безсознательной формѣ, и дают тѣ дикія вспышки, которыя нас поражают и смущают. Нѣт, мы будем говорить лишь о том времени, когда с конца XVIII вѣка и окончательнаго раздѣла Польши, масса евреев стала русскими гражданами. Что внесли они в нашу гражданственность? XIX вѣк дал Россіи цѣлый ряд талантливых и благородных граждан, положивших всю силу своего ума, свое сердце, а иногда и самую жизнь,

на службу родинѣ, послужившихъ ея гражданскому преуспѣянію. Эти люди работали и сѣяли идеи. Ими брошенныя сѣмена мы теперь собираем въ видѣ прекрасной жатвы грядущей свободы. Воспользуемся случаемъ и вспомнимъ благодарною памятью имена Новикова и Радищева, имена декабристовъ и дѣятелей эпохи освобожденія. Вспомнимъ имена великихъ и меньшихъ нашихъ писателей, также сѣявшихъ «разумное, доброе, вѣчное». Но гдѣ же между ними имена евреевъ? Л. А. Куперникъ приводитъ имена Антокольскаго и Левитана, братьевъ Рубинштейновъ и скрипача Бродскаго (о которомъ — признаемся — мы въ первый разъ слышимъ). Мы подскажемъ ему еще одно почтенное имя—имя Шеина, собирателя русскихъ пѣсенъ. Но, не бросается ли въ глаза, что приведенныя имена выражаютъ собою довольно узкую сферу искусства и, конечно, не они сдѣлали русское общество тѣмъ, что оно есть. Скажутъ, быть можетъ, что евреи были бѣдны и загнаны; что они не могли выдвинуться и сказать свое слово. А русское крестьянство развѣ не бѣдно и не загнано; да еще и было крѣпостнымъ! И однако оно выдвинуло Кольцова, Никитина, Шевченка; да и не только ихъ однихъ. Къ тому же, мы лично знаемъ нѣсколькихъ евреевъ, которые путемъ государственной службы и полученія Владимірскаго креста получили дворянское достоинство и были записаны въ дворянскія книги.

Их дочери воспитывались в аристократических институтах. Мы подчеркиваем это затѣм, чтобы сказать, что сословныя и иныя переборки в русском обществѣ никогда не были непроницаемы; что впрочем подтверждает и Л. А. Куперник цитатами из Свода Законов.

И так, творчество еврейскаго племени в области идей в Россіи было ничтожно. Л. А. Куперник приводит ряд имен юристов, которые с честью несли (а иные несут и до сих пор) свои обязанности. Кто же это отрицает? Мы можем еще прибавить, что лично знаем, напр., идеальных врачей-евреев, которые всѣм своим нравственным обликом сдѣлали бы честь любой націи. Но вѣдь это единицы. И развѣ русское общество имѣет в виду эти выдающіяся единицы, когда говорит, что евреи все заполонили? Конечно это «все» надо понимать ограничительно. До самаго послѣдняго времени «идеи» и у нас были далеко не в авантажѣ. Общество выросло в поклоненіи успѣху, особенно успѣху грубому—вполнѣ матеріальному, успѣху денежному. И вот, когда это буржуазное общество видит, что Теріоки и Сестрорѣцк наполнены богатыми евреями; что в Кіевѣ лучшая часть города заселена теперь еврейскими Крезами; что в Одессѣ Малый Фонтан застроен почти сплошь роскошными виллами еврейских магнатов; когда то же общество, мало склонное вдумываться, видит, что сцена

(даже Императорская) наполнена евреями; что музыканты и капельмейстеры—евреи чуть не поголовно; что наконец множество самых жирных кусков житейскаго пирога идет в рот и в желудок еврейских банкиров и всяческих дѣльцов,—это общество с подавленной завистью говорит: «что дѣлать—способная нація». Вот это и подлежит обсужденію.

Способная—да; но что это за способности? К чему онѣ направлены? Мы видѣли, что в Россіи идейное творчество было представлено до крайности слабо. Но, может быть, это только в Россіи. Может быть, у нас есть какія-либо спеціально тяжкія условія, среди которых в 4—5 милліонном племени все должно глохнуть и не имѣет возможности пышно расцвѣсти. Расширим рамки и просмотрим исторію народов и Европы. Исторія—свидѣтель неподкупный и нелицепріятный.

Исторія говорит нам, что послѣ Египта и Вавилона на сцену исторической жизни выступило талантливое семитическое племя Финикіян, которому человѣчество обязано изобрѣтеніем азбуки и стекла. Они же не только вели обширную торговлю, но были и отважные мореходы, которые заплывали в дальніе края; а позже основали колонію с такой блестящей исторіей, какова исторія Карѳагена. Но еще большую роль в нашей культурѣ сыграли геніальные гре-

ки. Они нам дали Платона и Аристотеля; дали математику, медицину; дали образчик широко и прекрасно живущей республики и, наконец,—несравненное, доселѣ не превзойденное, искусство. Суровый Рим дал нам государственную науку и право. Наконец, евреи дали человѣчеству великаго Мессію; но сами Его не признали и распяли. Что пророк не бывает признан в своем отечествѣ—это извѣстно. Что тогда, при Его жизни, могло быть непониманіе, озлобленіе за нарушеніе традицій; что слишком сильно разошлись народныя страсти, недобросовѣстно направленныя и подогрѣтыя — все это объяснимо психологіей толпы и черни. Но есть, казалось бы, великій цѣлитель—это время. XIX вѣков—срок достаточный, чтобы улеглось недружелюбное волненіе; а красота и величіе ученія Христа могли быть познаны. И если, однако, массы еврейства и до сих пор относятся к Великому Учителю так же враждебно, как в день распятія,—то это свидѣтельствует прямо об органической неспособности возвыситься до красоты ученія, подняться на его высоту. Прошли затѣм долгіе вѣка, когда Европа была погружена в глухое и темное невѣжество. Эти вѣка принесли, наконец, огромный подъем религіознаго духа и—крестовые походы, а с ними—столкновеніе с востоком. Учителями Европы стали Арабы и испанскіе Мавры, которые принесли фи-

лософію и естественныя науки востока; особенно—астрономію и медицину. Порох и книгопечатаніе изобрѣли нѣмцы. Итальянская эпоха Возрожденія, озарившая Европу новым свѣтом, дала нам цѣлую плеяду великих дѣятелей мысли, искусства, и дала нам Колумба. Дальше идут: Іоанн Гусс и Мартин Лютер, Коперник и Галилей, Шекспир и Бекон, Гуго Гроцій и Декарт. Все это люди, которые дали содержаніе нашей культурѣ; создавали нашу нравственность и нашу гражданственность, и наш умственный кругозор. Именно они сдѣлали Европу и европейцев тѣм, что они есть теперь. Их великія имена и есть этапные пункты нашего умственнаго и нравственнаго облика, его смысл и содержаніе.

Все это время евреи торговали, посредничали, накопляли богатства. Но что вложили они в общую сокровищницу знанія всего человѣчества? Прошли вѣка, пока еврейство выдвинуло новый великій ум и великую личность—это личность Бенедикта Спинозы. Спиноза родился в Амстердамѣ в 1632 году. Ученик Декарта, он в рядѣ сочиненій, а особенно в «Этикѣ», дал возвышенное и прекрасное ученіе, которое на цѣлые вѣка опередило современников. Ученіе его и сейчас сохраняет всю свою цѣнность, так как это—возвышенный монизм, который утверждает, что в мірѣ есть одна только субстанція, а именно — Бог; и Бог — все равно, что природа

(Иберверг — Гейнце, «Исторія новой философіи»). Эта единая субстанція безконечна и абсолютна. Всѣ конечныя субстанціи истекают из нея, содержатся в ней, в нее погружаются. Все конечное для Спинозы только modi безпредѣльной субстанціи. Всѣ конечныя вещи содержатся в Богѣ; человѣческій ум есть только свѣтлый луч безпредѣльнаго мышленія; человѣческое тѣло есть лишь атом безпредѣльнаго протяженія. Бог есть безпредѣльная причина обоих — мыслей и тѣл,—natura naturans. Никто никогда не выражался о божествѣ возвышеннѣе, чѣм Спиноза, говорит Гейне. «Вмѣсто того, чтобы говорить, что он отрицал Бога, можно бы сказать, что он отрицал человѣка». Но, конечно, столь возвышенный пантеизм пришелся не по плечу сухому библейскому деизму евреев; тѣм болѣе, он был не по плечу толпѣ. И повторилась та же самая исторія. Спиноза «за богохульство» был торжественно проклят (херем) и отлучен от іудейства, причем, как полагается по ритуалу, трубили в козлиный рог (шофар). Даже на жизнь Спинозы было сдѣлано покушеніе. Он принужден был бѣжать и остаток жизни провел в Гагѣ, в уединеніи и бѣдности, стоически перенося невзгоды и добывая себѣ пропитаніе шлифовкою стекол. Его ученіе тѣм менѣе пришлось кстати, что в одно время с ним жил и Саббатай Цеви. Этот родился в Смирнѣ, в 1626 году.

Он изучал каббалу и — полумистик, полушарлатан — в 1648 году объвил себя Мессіей. Наступал 1666 год, который и христіанами ожидался тогда, как год апокалипсическій. В 1665 году Саббатай открыто появился в Іерусалимѣ, как Мессія. Число его поклонников страшно возрасло. Начались паломничества на поклоненіе. Началась цѣлая эпидемія религіозной экзальтаціи и бѣснованія. В Азіи и Европѣ, особенно в приморских городах Италіи и Германіи (Венеція, Ливорно, Гамбург, Амстердам) начались процессіи, посты и бдѣнія, раздача милостыни, бичеванія и самоистязанія. Саббатай подписывался; «Я—Господь Бог ваш». В 1666 году Саббатай, по требованію турецких властей, пріѣхал в Константинополь и был заключен в крѣпость. Но волненія разростались. И турецкій султан, не желая дѣлать из Саббатая мученика,—распорядился очень умно; он просто предложил пророку перейти в магометанство, за что обѣщал ему придворное званіе и хорошія деньги. И Саббатай согласился. Он перешел в магометанство, получил титул камергера и зажил припѣваючи. Еврейство было поражено такой измѣной пророка. Многіе просто не вѣрили; другіе говорили, что сам он взят на небо, а на землѣ, в магометанском видѣ, осталась лишь его тѣнь. Но, это был он сам и продолжал играть на два фронта; тайком он посѣщал синагогу и

распѣвал псалмы, в чем был уличен, и умер в крѣпости. Все характерно в жизни этого еврейскаго, хотя бы и лже-мессіи. Как видите, мы были еще сдержанны, назвавши его «полушарлатаном». Однако секта Саббатіанцев существует и до сих пор. Тогда как прекрасное ученіе Спинозы не оказало на евреев ни малѣйшаго вліянія; и приводит в восторг лишь такіе исключительные и вполнѣ космополитическіе умы, как Гейне.

Далѣе идет великій англичанин—Ньютон. Нечего и говорить о том, что свободу и лучшія формы общественной жизни англичане выковывали для себя и для народов без всякаго участія евреев. Во второй половинѣ XVIII вѣка мы видим блестящій ряд французских энциклопедистов, подготовивших умы к великой революціи. Между их именами мы встрѣчаем одно еврейское—имя барона Гольбаха. Богатый человѣк, сильный ум, он оставил ряд сочиненій, из которых важнѣйшее: «Система природы». Эта книга осталась евангеліем матеріализма и до наших дней. Идеи крайняго матеріализма, детерминизма и атеизма выражены в ней с необыкновенной яркостью и послѣдовательностью. (Ибервег-Гейнце). Совершенно неосновательно различать в человѣкѣ двѣ сущности: тѣлесную и духовную. Такое раздѣленіе произошло лишь от нашего незнанія. Так называемыя, душевныя способно-

сти человѣка—только особый род дѣятельности тѣла. Свободы воли нѣт. Интерес есть единственный двигатель людских поступков (впрочем, слово «интерес» Гольбах понимает широко—по-эпикурейски). Матерія—вѣчна. Мудрость, справедливость, доброта и т. д. суть качества, свойственныя матеріи. Отрицаніе Бога не влечет за собою отрицаніе добродѣтели, ибо различіе добра и зла основано не на религіи, а на природѣ человѣка, которая заставляет его искать блага и избѣгать зла. Никогда матеріалистическіе принципы не были высказаны с такою прямолинейностью и жестокостью, как в книгѣ Гольбаха. Но в наши дни столь грубый матеріализм далеко не пользуется таким кредитом, как в концѣ XVIII вѣка.

Как бы там ни было, среди дѣятелей революціи, подарившей свободу народам Европы,—мы не знаем еврейских имен. Пойдем дальше. Перебирая дѣятелей XVIII и XIX вѣков на всевозможных поприщах, мы встрѣтим здѣсь Лавуазье и Адама Смита; Гальвани, Вольта и Фарадея; Канта и Гегеля; Гете и Шиллера; Коменскаго (XVII в.) и Песталоцци; наконец Дарвина, Гельмгольца, Пастера. Возьмем ли мы сферу чисто техническую—и здѣсь мы встрѣтим Уатта, Стефенсона и Фультона. Не поражает ли при этом бѣглом обзорѣ, что всюду, гдѣ нужен *творческій* геній, созданіе новых путей, а не только практи-

ческая ловкость и сноровка; всюду, гдѣ нужен полет фантазіи и подъем творческаго духа,—там всюду евреи блещут своим отсутствіем. Мы не говорим уже о Сервантесѣ, Мольерѣ и других великих писателях нашей культуры; всѣ они— плоть от плоти и кровь от крови нашей; но всѣ они и вели нас за собою. И если бы, волею какого-либо злого рока, силою какой-то катастрофы, мы лишились всего, что сотворили и дали нам эти великіе творцы, —остался бы зіяющій, ничѣм не заполнимый пробѣл, и всѣ мы вернулись бы чуть не к первобытной дикости нравов и чувств.

Мы ничего не забудем: в сферѣ творчества евреи дали Берне и Гейне, Лассаля и Маркса. Значеніе Берне—остроумнаго памфлетиста,—совершенно преходящее. Потеря Гейне—прелестнаго и нѣжнаго в своей поэзіи, сверкающаго и саркастическаго в своей удивительной прозѣ,— потеря Гейне, говорим мы, дѣйствительно, была бы потерею для человѣчества. Но о Гейне мы скажем еще ниже, и будем говорить его же словами. Остаются Лассаль и Маркс. Что Лассаль былъ человѣком блестящаго ума и дарованій— это не подлежит никакому сомнѣнію. Что он, как никто другой, быть может был создан для ролей народнаго вождя и демагога,—это также очевидно. Блистательный оратор, он мог покорять умы и сердца и вести людей за собою.

Для образчика можно остановиться на той его рѣчи, которая теперь, благодаря дешевой брошюркѣ, получила такую широкую популярность: «Что̀ такое конституція». Рѣчь читается с захватывающим интересом. Можно себѣ представить, с каким восторгом она выслушивалась. Как образчик политическаго краснорѣчія, она превосходна; как нельзя лучше, она отвѣчает своей задачѣ: ею можно провалить любое министерство. И тѣм не менѣе, для нас она является ярким доказательством того, что парадокс, как бы он ни был блестящ, вовсе не есть еще сама истина. Основной мотив рѣчи таков: не вотируйте за увеличеніе арміи, потому что эту же армію правительство обратит против вас же, против вашей свободы. Не говоря уже о том, что по современным взглядам государственнаго права—правительство, которое состоит из агентов того же самаго народа, вовсе не имѣет в виду держать народ под пятою,—мысль Лассаля, высказанная в началѣ 50 годов, давно опрокинута самой дѣйствительностью. Если бы его слушатели могли провидѣть тогда 70 и 71 годы, то им самим предстояло бы выбрать: остаться ли маленьким, скромным прусским королевством, хотя бы и с весьма либеральной конституціей; или же пойти навстрѣчу правительству,—создать себѣ мощную армію и тѣм самым—создать могущественную Германскую имперію. Нам ка-

жется, что даже у слушателей Лассаля не возникло бы сомнѣній и разногласій. А теперь исторія уже нам сказала, что нѣмецкое правительство употребило свою реальную силу вовсе не только на угнетеніе нѣмецкаго народа. Все это мы приводим, как образчик того, что при всем внѣшнем блескѣ Лассаль был лишен историческаго чутья и проницательности. А значит, едва-ли заслуживает мѣста в пантеонѣ человѣчества.

Наконец, Маркс—автор «Капитала», создатель соціализма не только научнаго, но и практическаго, воинствующаго. Здѣсь не время и не мѣсто вступать в полемику с ученіем соціалистов. Критика соціализма сдѣлана крупными умами, которые не нам чета. Авторитетные экономисты и публицисты давно указали, что ученіе коллективизма, доведенное до логических выводов, может привести в ужас человѣка самаго невзыскательнаго. Никакой частной собственности. Опредѣленное число часов работы ежедневно для нужд общества для того, чтобы получить соотвѣтственный бланк—нѣсколько «бонов труда», в обмѣн на которые получаются из общественных магазинов предметы необходимости (или—если хотите — каприза). Государство упраздняется. Вмѣсто него—армія каких-то агентов, в сущности—чиновников, которые занимаются тѣм, что расцѣнивают ваш труд, каков бы он ни

был; будь то геніальное творчество ученаго или художника—все равно; этот труд, по какой-то фантастической скалѣ, переоцѣнивается на стоимость труда поденщика, который чистил для общества сапоги. Вы работали столько-то часов: получайте ваш чек. И—ни вправо, ни влѣво! «в ногу, ребята—раз, два!» Это и есть коллективизм. Ни тѣни свободы ни для кого. Всѣ под надзором, всѣ под контролем. Вашу мысль просѣвают, процѣживают; оцѣнивают ея годность, или бракуют; милостиво дают вам чек, или же—убирайтесь. И никаких разговоров! Это называется «диктатура пролетаріата!»—«Есть от чего в отчаянье прійти!» Но если бы это была только утопія. Увы! Вслѣд за Марксом народилась цѣлая армія его учеников и послѣдователей. Теперь мы уже ясно видим результаты их работы. Дѣйствует партія, сильная своим единством, своим фанатизмом, своим изувѣрством: всѣ средства хороши, лишь бы стереть с лица земли все, что есть в людях выдающагося, индивидуальнаго. Всѣ должны быть равны; всѣ—на одну колодку! И если вас, читатель, берет оторопь, то знайте, что этим ученіем человѣчество обязано Карлу Марксу, еврею Карлу Марксу. Нужды нѣт, что это ученіе крайне плохо обосновано; что в нем сильна лишь часть критическая (хотя и она односторонняя); что идеал этого ученія ведет нас в фаланстеріи. Все равно, за этим ученіем пошли

под заманчивым флагом общаго «права на труд», а значит и равных кусков в жизни.

Отдохнем от этой дикой фантасмагоріи и обратимся к музыкѣ. Вот область, в которой евреи сильны безусловно, по общему признанію. Это—такая музыкальная нація! Но так ли это? Пройдем вмѣстѣ с А. Г. Рубинштейном его «Курс фортепіанной литературы». На знаменитых своих лекціях по исторіи музыки он не только играл, а и комментировал авторов. Мы знаем хорошо его отношеніе к их удѣльному вѣсу, к их значенію в музыкѣ. Ни Палестрина, ни Бах, ни Гайдн и Моцарт, ни тѣм паче Бетховен,—не были евреями. Не были ими ни Шуберт, ни Шуман, ни Шопен. Вы видите—всѣ эти корифеи, столпы музыкальнаго *творчества*, не были семитами. Евреями были: Мендельсон, Мейербер и сам А. Г. Рубинштейн. Предоставим слово ему самому. (Кавос-Дехтерева. «А. Г. Рубинштейн»). Сыграв нѣсколько фуг Мендельсона, А. Г. говорит: «все блестящія, очень звучныя вещи, которыя смахивают на величіе; но это величіе не серьезное; эти фуги не тѣ, что писал Бах, но все-таки хороши». И так во всем. А. Г. отдает должное Мендельсону; любит его: «Lieder ohne Worte»; но в первый ряд творцов музыки нигдѣ его не ставит. Это—второй сорт. О Мейерберѣ А. Г. и не говорит уже потому, что оперу считает низшим видом музыкальнаго творчества. Но о

Мейербер много говорит Гейне, причем отмѣчает его необычайную, до смѣшного доходившую, заботливость — угодить в своих операх рѣшительно всѣм исполнителям до послѣдняго фагота в оркестрѣ. В то же время отлично извѣстно, что мученіем всей жизни А. Г. было то, что его произведеній «не понимали», как он говорил; онѣ имѣли лишь «успѣх уваженія»; публика продолжала считать его лишь геніальным исполнителем чужих твореній, но далеко не равносильным в собственном творчествѣ. А между тѣм, самым блестящим исполнителям, каковы, напр., Таузиг и Лист, А. Г. придавал лишь второстепенное значеніе.

Мы, наконец, произнесли то слово, к которому так долго подходили. Слово это: «исполнители». Быть может, весьма талантливые, во всяком случаѣ - очень ловкіе и искусные; но исполнители, а не творцы.

А, между тѣм, Л. А. Куперник говорит, что «евреи, как люди древней культуры, имѣют огромныя заслуги в дѣлѣ *нравственнаго* развитія человѣчества». Огромныя ли? Мы только что пересмотрѣли исторію; просмотрѣли, надѣемся, добросовѣстно, хотя и бѣгло. Впечатлѣніе остается как раз обратное. Лассаль—проповѣдник соціализма—был человѣком богатым, вел блестящій образ жизни и был убит на дуэли из-за ничтожной женщины. Наоборот, мы могли бы

назвать длинный ряд мыслителей, художников, изобрѣтателей, которые всю жизнь свою оставались мечтателями, идеалистами. Они не были практики в жизни; не умѣли устраивать своих личных дѣл, или даже презрительно относились к благам жизни. Долгіе годы жили они на чердачках, плохо питались и коченѣющими от холода своих мансард руками обогрѣвали весь мір возвышенным строем своих чувств, яркостью своих идей, горячим сочувствіем ко всему человѣчеству. Евреи не были философами (кромѣ Спинозы). Не знаем, сознательный ли это скептицизм, или же органическая неспособность,— но дѣятели этой націи подходят к жизни просто, без затѣй. Они берут ее с точки зрѣнія благополучія, и еще уже: с точки зрѣнія кармана. Они всегда умѣли и умѣют ловко вцѣпиться в жизнь, умѣют ставить цѣли близкія и непосредственныя. Но какія цѣли? Положительно, вся наша культура, весь наш нравственный и умственный багаж, все то, чѣм мы живы, созданы помимо еврейства; быть может даже—вопреки ему. В исторіи нашей культуры мы, рѣшительно, не видим основаній к благодарности еврейству; особенно такой благодарности, которая обязывает нас и для будущаго. Евреи имѣют власть денег; но этою властью еще не исчерпывается все содержаніе нашей культуры. Именно Гейне, слова котораго должны быть авторитетны, мно-

жество раз в своих сочиненіях усердно подчеркивает ту мысль, что есть два совершенно различных склада мышленія, два совершенно разных типа человѣческих способностей. Один тип он называет эллинским, и лучшим его выразителем считает Гете; другой же тип—іудейскій. Коренная разница между ними та, что мышленіе іудейское отличается ясностью, отчетливостью; способностью углубляться в детали; склонностью к глубокому и тщательному *анализу*. Отсюда—тонкая, филигранная отдѣлка каждой мысли, каждаго начинанія. Отсюда же однако и узость, односторонность мышленія. Но это не геній. Так как для генія необходимо именно отсутствіе односторонности; нужна способность охватить предмет со всѣх сторон; способность, как бы слиться с ним, воплотиться в другое, чуждое самому себѣ, существо, и как бы безсознательно, как бы интуиціей, смѣлым порывом обобщенія, геніальным *синтезом* дойти до познанія *сущности* вещи—и тогда представить ее изумленным очам близорукаго, погрязшаго в мелочах человѣчества. Таков свѣтлый и радостный дух эллинизма по Гейне. Он противуполагал его іудаизму, и сам называл себя Эллином. Прослѣдивши полет человѣческой мысли в теченіе многих вѣков, приходится сказать, что Гейне прав. Мы видим у евреев двух великих пророков,—ими непризнанных и ими замученных—и только. И

когда тот же Гейне в другом мѣстѣ говорит, что гордится своею принадлежностью к дому Израиля, который «дал міру тѣх мучеников, которые боролись на *всѣх* боевых полях человѣческой мысли»,—мы имѣем право сказать, что это лишь фраза, которую легче произнести, чѣм доказать. А Л. А. Куперник на стр. 32 говорит: «Все, что еврейство могло сказать и дать человѣчеству, оно сказало и дало; дальше ему дѣлать нечего, и евреям остается вступить в ряды арміи, находящейся в походѣ на завоеваніе общечеловѣческаго развитія». Excusez du peu! Мы уже видѣли, как много еврейство дало; и если это—«все», и дальше ждать уже нечего, — тогда на чем же построено сентиментальное отношеніе к людям, которые вовсе не сентиментальны и отлично ведут свою линію без всяких предразсудков. Мы даже думаем, что почтенный автор брошюры хватил через край: уж слишком безнадежно.

Так или иначе, нам кажется,—мы достаточно освѣтили поставленный себѣ вопрос:—дѣйствительно ли евреи такая «способная нація», как они нас в том увѣрили. Способная—да. Но способности эти и вовсе не глубоки, и до крайности узки, односторонни. Вся наша культура; все, чѣм мы гордимся, создано не евреями, или ими же поругано. Они избрали себѣ благую часть: берут в готовом видѣ все то, что выра-



ботано на славу человѣчества его творцами и геніями во всѣх областях—и ловко пускают его в оборот, причем получают за эту ловкость хорошіе проценты. И даже в области музыки они в огромном большинствѣ лишь исполнители того, что задумано, сотворено другими—часто робкими, неумѣлыми и застѣнчивыми. Как всегда бывает со спеціалистами,—они сузились; но зато в своей спеціальности не имѣют конкуррентов. А строй современнаго общества, несомнѣнно, капиталистическій. Отсюда и господство евреев, как обладателей капитала.

И так, нравственно мы ничѣм особенно еврейству не обязаны. Быть может, мы в Россіи крѣпко-на-крѣпко привязаны к ним исторически. И этого нѣт. Переселеніе евреев в Польшу совершилось в царствованіе Казиміра Великаго (1333—1370). И вот что говорит об этом Шлоссер в своей «Всемірной исторіи» (Т. VIII). «Поселеніе в Польшѣ евреев имѣло такое же пагубное вліяніе на ея внутренній быт, как введеніе аристократической олигархіи на ея политическую судьбу. Желая мгновенно создать торговлю и промышленность, Казимір старался привлечь в Польшу людей и капиталы. Повсюду тѣснимые в то время, евреи первые отозвались на его призыв, и он поощрял их переселеніе. Сначала им позволено было селиться только в новой провинціи—Червонной Руси, или Галиціи; но впо-

слѣдствіи это дозволеніе распространилось на всю Польшу. Евреи наводнили страну, завладѣли всѣми прибыльными промыслами, не требовавшими тяжелаго физическаго труда, и образовали среднее или мѣщанское сословіе между дворянством и крѣпостными крестьянами, составлявшими польскую націю. Мало-по-малу число евреев, как нѣкогда в Египтѣ, увеличилось в громадных размѣрах. В Польшѣ их менѣе ненавидѣли за лихоимство, чѣм в Германіи; а они охотно предоставляли другим славу и почет, лишь бы только на их долю выпадал барыш. Когда вошла в употребленіе пагубная для народной нравственности водка, евреи, соблюдая сами умѣренность, воспользовались прирожденной славянам страстью к опьяняющим напиткам, чтобы поставить народ в еще бо̀льшую зависимость от себя. Этим средством они вытягивали послѣднюю копѣйку у крестьянина, глядѣвшаго на них, как на благодѣтелей и защитников (?), и их грязныя корчмы скоро сдѣлались единственным прибѣжищем в негостепріимном краѣ». Едва-ли можно упрекнуть Шлоссера в узкой партійности, или непониманіи исторіи. Он говорит здѣсь о Польшѣ. А мы уже знаем, что русскими евреи стали лишь 100 лѣт тому назад. Они достались нам, как наслѣдство, от Польши. И вот теперь возникают рѣчи о расширеніи черты осѣдлости. Евреям тѣсно: их надо пустить по всей

деревенской Россіи. Но почему? И не затѣм ли, чтобы насадить там торговлю и промышленность? Но вѣдь даже для XIV вѣка ошибка Казиміра была непростительной. Вѣдь нужно именно польское презрѣніе к народу и его насущным интересам, чтобы не стремиться насадить промышленность в своем народѣ, а отдать его самого в чужія, пришлыя руки. Но польская шляхта, видимо, пришла в восторг от возможности брать у евреев деньги взаймы, чего раньше не было; и за это дала Казиміру названіе Великаго. Неужели и нам теперь, через пять с половиной вѣков, необходимо повторить ошибку польскаго короля? Народ наш темен и нищ. Бороться ему не под силу; мы это признаем. Но неужели именно поэтому на его многострадальныя плечи надо накинуть еще новое иго—иго капитализма?

И так, перед нами встает вопрос: что же дѣлать? Ограничивать права части граждан—невозможно. Растворить им настежь двери русской деревни, всей русской земли?—нехудо бы спросить и самый народ, что он об этом скажет. Впрочем для необузданнаго доктринерства голос народа необязателен. Но вѣдь народ теперь научился высказываться даже слишком громко. Гдѣ же выход? Нам говорят: «ассимилируйте 5 милліонов способнаго народа». Но, вопервых, захочет ли еще он сам ассимилироваться. В Польцѣ и в Галиціи, например, евреи живут пять с

половиной вѣков; однако, ассимиляціи что-то не видно, если не считать небольшой кучки, которая называет себя поляками Моисеева закона. А во-вторых, не довольно ли «ассимиляціи» с русскаго, славянскаго племени? Оно и без того за 1000 лѣт своей исторіи так расплылось, так много в себя впитало чуждых кровей, что совершенно утратило свой тип, свою цѣльность, опредѣленный характер. Говорят, тип русских людей можно найти лишь в дебрях Забайкалья, куда ушли старообрядцы еще в XVII столѣтіи. Уже давно заграницей удивляются тому, что русскіе люди не имѣют никакого опредѣленнаго типа. Англичанина, нѣмца, француза, итальянца — узнаешь сразу за полверсты. Русскій похож на всѣх. И мы слышали разсказ о двух русских пріятелях, которые были до того непохожи друг на друга ростом, манерой, рѣчью, что французы не могли скрыть удивленія и просили им объяснить, почему нельзя даже сказать, что они одной національности. И пріятели, со свойственной русским барам манерой зубоскальства, говорили: «видите ли—у нас есть Великороссія и Малороссія; он из Малороссіи; поэтому, он мал ростом; а я великоросс». Может быть, впрочем, такая ассимиляція и была бы полезна нам самим; быть может, вмѣстѣ с еврейскою кровью мы получили бы и ту практическую цѣпкость, в которой мы—русскіе—из рук вон

плохи. Но это несомнѣнно путь фантастичный уже потому, что на него нужно много вѣков; а жизнь не ждет.

Между тѣм, положеніе не безвыходно. Выход есть; он даже не так трудно осуществим, как кажется с перваго взгляда. Мысль эта не нова, как, впрочем, и многія хорошія мысли. Выход именно тот, против котораго так ополчается Л. А. Куперник: это именно выселеніе, если не поголовное, то массовое. Мы слышимъ крики и нелестные эпитеты по нашему адресу; все равно— прослушайте до конца. Вы находите, что выселить народ в 5 милліонов невозможно; мы находим, что это даже не так трудно. Л. А. Куперник возражает так. Переселеніе невозможно уже потому, что «ежегодный прирост еврейскаго населенія в Россіи — около 75,000 душ». Выселить столько в один год нельзя: значит, всѣх вы никогда не вычерпаете. Но, вѣдь, это какое-то чисто ариѳметическое недоразумѣніе. Возьмем оффиціальныя цифры переселенія из Европы в Америку; оказывается, что за послѣдніе годы туда иммигрирует болѣе 500,000 чел. ежегодно. Значит, технически перебросить за океан такую массу людей возможно. И за 10 лѣт (1881—1890 гг.) иммигрировало в Америку 5.246,613 человѣк. Очевидно, даже при «извѣстной плодовитости евреев» часть их с перваго же года будет мно-

житься во славу новой родины уже на новых мѣстах.

Куда переселяться? Есть разныя предложенія: Палестина, Аргентина, даже Полинезія и, наконец, Уганда. Перебирая все, что можно сказать за и против, остановиться надо на Угандѣ.

Уганда — область в Центральной Африкѣ в 362,590 кв. м. Лежит она между 5° и 1° сѣверной широты. Восточная граница области отстоит меньше, чѣм на 500 верст, от Индійскаго океана. Ближайшая бухта—Угове, в 500 верст. к сѣверу от Занзибара. Желѣзной дороги туда еще нѣт: она лишь проектирована. В область Уганды входит цѣлое внутреннее море—колоссальное озеро Викторія-Ніанца и ряд других больших озер. Из озера Викторія-Ніанца берет начало великій Нил. Это — громадное преимущество, так как чрезвычайно приближает Уганду к Россіи и к Одессѣ. В самом дѣлѣ, на берегу Нила, на сѣверной границѣ области Уганды, лежит город Лабо. До него и ходят пароходы по Нилу от Хартума. Вдоль средняго теченія—по желѣзной дорогѣ, из-за порогов. Таким образом, основным разстояніем, которое нужно преодолѣть, является лишь разстояніе от Одессы до Александріи. Но вѣдь это всего 5, даже 4 дня, морем. Дальше путь идет на рѣчном пароходѣ. Но вѣдь это же partie de plaisir по сравненію с океанским переходом в Аргентину или хотя бы в Нью-Іорк! Евреям при-

шлось бы вновь пройти сквозь Египет; но на этот раз дѣло было бы тѣм проще, что навѣрное никакой фараон не гнался бы за ними. Говоря серьезно, оказывается, что Уганда лежит на высотѣ 3,000 фут. над уровнем моря. Значит, там нѣт лихорадок или, лучше сказать, онѣ есть лишь в самых долинах рѣк. Там нѣт и изнурительной жары: больше 34° Ц. там никогда не бывает. Зимою не бывает меньше 12° Ц., а в среднем—21° Ц. в году! Это идеально. Нужно ли говорить, что это богатѣйшая страна; что там роскошная флора и фауна; цѣнныя породы дерева и слоновая кость. Повсюду есть желѣзная руда; довольно мѣди и есть даже золото. Там есть и обширныя травяныя степи, и снѣжныя горы (Рувензори—18—19,000 фут.), и дѣйствующіе вулканы. Там равно доступно и земледѣліе, и обширное скотоводство. И в то же время это не пустыня. Там живет уже 3 милл. туземцев; 1 милл. из них—негры-христіане. Ваганда—сильное, неглупое негритянское племя. При таком общем числѣ населенія выходит, что на кв. милю там меньше 10 жителей. Очевидно, если влить туда же и 5 милл. новых пришельцев—никакого переполненія не будет; особенно, если принять в разсчет непосредственную близость истоков Конго и громадной непочатой и невѣдомой пока ея области. Развѣ все это не заманчиво для племени, которое еще хочет жить, хочет работать,

Развѣ заманчивѣе сидѣть буквально друг на другѣ в жалких городишках, вести безпросвѣтную и безнадежную жизнь? Ибо на что же надѣяться, если здѣсь всѣм уж стало тѣсно?

И так, практически, перевезти в Александрію 400 и даже 500 тыс. чел. в год—безусловно возможно. Считая, что рейс парохода займет даже 2 недѣли, таких рейсов пароход может сдѣлать до 20 в один год. Океанскій пароход, типа наших Добровольцев, поднимает самое малое 1.000 человѣк, а на малое разстояніе и 1,500 человѣк. Значит, за год один пароход перевозит от 20 до 25 тыс. человѣк. Итого нужно 20 — 25 пароходов, чтобы перебросить 400—500 тыс. человѣк в один год. Что же, не найдется 25 пароходов, чтобы поставить их на эту линію, если даже их надо будет убрать с линіи Гамбург-Нью-Іорк. Едва-ли американцы, не смотря на все свое «сочувствіе» к русским евреям, будут в большой претензіи, если направленіе эмиграціи таким образом измѣнится.

У Л. А. Куперника возникает другое возраженіе. Он дѣлит все еврейское населеніе Россіи на 3 класса. Большіе капиталисты, которым совершенно незачѣм и которые не пожелают никуда переселяться, так как при деньгах им повсюду хорошо. Дальше идут интеллигенты всяких свободных профессій и умѣлые мастера, которые, благодаря своей умѣлости, имѣют в Россіи хоро-

шій заработок. Л. А. Куперник увѣряет, что они также не пойдут никуда. Остаются, по его мнѣнію, лишь нищіе евреи, которые не владѣют никаким опредѣленным ремеслом, перебиваются грошевою торговлей и факторством. Эта масса является нежелательным объектом для переселенія, так как, ни к чему не подготовленная и предоставленная самой себѣ, она должна погибнуть в новых условіях.

Автора брошюры нам надо поблагодарить за искренность. Так вот в чем дѣло! Конечно, если темную, невѣжественную массу толкнуть куда-то и оставить ее без руководительства, без поддержки, знаній и ума ея интеллигенціи,—она должна погибнуть, как всякая слѣпая толпа. Но развѣ евреи разных свободных профессій, или хотя бы практических навыков, уже замыслили в сердцѣ своем измѣну? развѣ рѣшили раз навсегда отстраниться от своего народа и предоставить его собственной участи, как бы жалка она ни была? Если это так, то о чем же и говорить? Но почему же, однако, мы—русскіе—должны взять на себя спеціальную заботу о еврейской массѣ даже тогда, когда собственная ея интеллигенція умыла руки и отказалась от всяких забот? Нѣт, положительно, Л. А. Куперник слишком мрачно смотрит на свой народ. Вѣдь, этого не может быть; или дѣйствительно нам надо согласиться, что евреи «сказали уже все, что могли и дальше дѣ-

лать им нечего»... Но выходит нѣчто, до крайности несообразное. Весь мір наполнен стоном и криками, что евреям живется *невыносимо* дурно в Россіи. Но вот им предлагают устроить их безмѣрно лучше; тогда оказывается, что никто не желает трогаться с мѣста. Тогда о чем же кричали? За что же призывали на нашу родину проклятія?..

Нѣт, конечно, Л. А. Куперник неправ, и образованное еврейство не отступится от своего народа. В Угандѣ есть нѣсколько городов, есть желѣзная дорога, есть даже маленькій флот и броненосец на озерѣ Викторія. Страна находится под англійским протекторатом и управляется англійским губернатором. Там уже есть извѣстный гражданскій порядок, а значит—тѣм легче устраиваться. Примите же в расчет чудесный, теплый, ровный климат. Переселяясь в Сѣверную Америку, люди тотчас же нуждаются в теплом домѣ, приспособленном на зиму. Мы видѣли чуть не на днях переселеніе крупной партіи духоборов в Канаду; они переселились в суровую по климату мѣстность и, однако, уже обстроились и обзавелись. Но вѣдь от 1° до 5° сѣв. широты — это почти экватор. Для того, чтобы жить в этих широтах, не нужно даже ни одного кирпича: нужны бамбук, немного хвороста или же тростника и глина. Так выстроена вся Японія, и однако она живет, богатѣет и процвѣтает. Не нужно ника-

ких печей, а только очаги из камня и котелки для варки пищи. Проѣзжая по улицам и по окрестностям Коломбо на Цейлонѣ, вы постоянно видите прелестную картину. Большой навѣс на столбах; он обнесен лишь небольшою стѣнкой в половину человѣческаго роста. Под навѣсом — ряд скамеек; на них—ряды прилежно склонившихся над книгами или тетрадями черномазых дѣтских головок; посрединѣ—один или два учителя диктуют или читают в разныя стороны. Это школы для сингалезов. А мягкій вѣтерок разгуливает над головами учеников и доносит до них чудесный аромат коричных кустов с окрестных плантацій. Если хотите, здѣсь не на чем повѣсить «стѣнных» ландкарт; но зато здѣсь не может быть рѣчи о недостаткѣ вентиляціи. Развѣ же это не заманчиво по сравненію с гнусными переулками Шклова или Бердичева! И, наконец, вѣдь это только низшія школы. Но кто же помѣшает завести сейчас же свои гимназіи, имѣть своих учителей, построить свой университет, имѣть факультеты и профессоров? И все это—у себя дома, в своей странѣ, в спокойной, мирной, трудовой атмосферѣ, чуждой всякой подавленной злобы, недовѣрія и недоброжелательства. Ибо люди, особенно темные русскіе люди, вовсе не ангелы, как мы это видим, и чуть-что—сейчас же пускают в ход кулаки.

С другой стороны, и наш русскій народ имѣет

право желать пожить и без евреев. Из приведенной исторической справки ясно видно, что никакою таинственной пуповиной народ наш с евреями не связан. Если поляки так любят евреев, то вѣдь в польских губерніях евреи могут и остаться. Тогда их еще меньшее число придется выселять из остальных губерній.

Есть преимущество огромной важности, которое тогда получит наша родина: это *однородность* состава ея населенія. Вот слово, над которым стóит подумать и остановиться. Давно ли еще мы удивлялись и восхищались тѣм, как стоят за родину японцы, как готовы они умереть за нее даже там, гдѣ, по нашему, это вовсе и не показуется, и смѣло можно было остаться жить. Но вѣдь примите же в разсчет, что всѣ японцы—дѣти одной матери, одной страны, одного племени, «сыны вишневаго дерева», как говорил своим матросам Того. Измѣна родинѣ там никому не может придти в голову. А у нас? Допустим даже, что еврейская молодежь искренняя в своих мотивах; чѣм, в самом дѣлѣ, связана она с Россіей? Россія—страна угнетенія. И развѣ удивительно, что в нашей революціи и в партіи соціалистов так много евреев? Что им Россія? — ея стыд, ея горести! Но нам-то, нам от этого не легче! Ах, если бы евреи имѣли свою страну; они могли бы там дѣлать всевозможные, какіе им угодно, соціологическіе опыты. Но у себя, над собствен-

ным народом, на собственный страх и счет. Мы бы им от души апплодировали. Мы не желаем им зла. Пусть будут они богаты и счастливы; пусть имѣют свое управленіе, свои законы, суд, свою науку, музыку, искусство; пусть они идеально устроят свой быт; но только—подальше от нас. Пусть еврейскіе дѣятели революціи не стараются устроить наше благополучіе по превосходным рецептам Карла Маркса и Энгельса. А то у нас русскій крестьянин болѣе 1,000 лѣт дѣлает свою исторію. Образованный класс наш также поработал и руки приложил к развитію родины. Теперь оказалось, что мы слишком глупы, что мы должны идти по указкѣ. Учителя сурово принялись за нас. И русскіе люди, по свойственной им лѣности и робости мысли, повѣрили, что и правда нам надо идти на буксирѣ современных ученій. Вѣдь это так модно! А патріотизм, родина, ея счастье, ея интересы—все это устарѣлая безсмыслица, в которой стыдно и признаваться! «Чѣм хуже, тѣм лучше», таков современный девиз.

Нѣт, мы вѣрим в простой здравый смысл простого русскаго человѣка. Если Государственной Думѣ придется высказаться по еврейскому вопросу, ея крестьянскіе депутаты выскажутся без затѣй, по существу и по здравому смыслу, не в примѣр модернизованным нашим кривлякам либерализма и доктринерства. А здравый смысл

говорит, что «насильно мил не будешь». На что, казалось бы, брак; древнѣйшій, вѣковѣчный институт, самим Господом Богом установленный; и то, под давленіем жизни, «святость» и неприкосновенность этого договора за послѣднее время значительно нарушены; пришлось пойти навстрѣчу облегченному разводу. Вѣдь, если не в силах два существа совмѣстно жить по-человѣчески — за что же мучить их? Раньше это в самом дѣлѣ походило на двух котов, которых посадят в один мѣшок и зашьют его на-глухо. Так и в нашем вопросѣ. Можно, конечно, настаивать на этом постылом сожительствѣ, постылом для обѣих сторон. Но зачѣм, кому это нужно, когда на свѣтѣ так много еще свободнаго мѣста, гдѣ можно жить безбѣдно?

И так—надо разводиться! Кто на себя возьмет вину—в данном случаѣ совершенно безразлично. Но важно выяснить, кто на себя возьмет почин в этом дѣлѣ. Повидимому, не евреи. Бѣдная, загнанная их масса и понятія не имѣет хотя бы об Угандѣ. Люди богатые нисколько лично не заинтересованы. По крайней мѣрѣ съѣзды сіонистов поражают своею безплодностью; съѣзжаются они единственно затѣм, чтобы Макс Нордау мог лишній раз пококетничать. Нѣт, это дѣло должно взять в свои руки русское общество, русское правительство, Государственная Дума.

Ея членам прежде всего придется столкнуться с этим вопросом. Как быть с расширеніем черты осѣдлости, с надѣленіем евреев землею? Ограничивать права части населенія—нѣт никакой возможности. Но вѣдь считаться придется не только с теоріей, а и с практикой жизни; надо считаться и с настроеніем толпы, ея стихійными волнами. И если Дума разрѣшит евреям покупать земли и лѣса по всей Россіи на законном основаніи,—с громадным вѣроятіем можно сказать, что это послужитъ сигналом для новых избіеній, для новых грабежей. И наконец, русской власти—из кого бы она ни состояла, право, прилично подумать, чтобы тѣ же дворянскіе лѣса, которые с помощью самих гг. дворянъ и их предводителей благополучно перешли в еврейскія руки в таких губерніях, как напр. Смоленская,—прилично, говорим, подумать и о том, чтобы эти лѣса перешли в крестьянскія руки, а не служили объектом фиктивных сдѣлок на русскія имена—иной раз очень громкія. Вспоминается безсмертный Щедрин, когда он говорит, что в Севастопольскую кампанію поставщики и подрядчики ставили картонныя подошвы на армію. Кругом в то же время «смѣх раздавался, смѣх! И никому не приходило в голову, что вѣдь смѣются мертвецы»! Продѣлывали это тѣ же люди, которые без слез не могут слышать, как запоют: «ах, не бѣлы-то снѣги»! В самом дѣлѣ,

мы сентиментальны и в то же время склонны дѣлать под шумок вопіющія гадости. А между тѣм, государство имѣет право жить для себя. Американцы не стѣсняются во всеуслышаніе провозглашать доктрину Монроэ: «Америка для американцев». Но сказать, что Россія должна быть для русских,—фи! Это такая отсталость. Нужно кричать: «Россія—для евреев»! Иначе— ты «реаk». Так всѣми подобными словечками закрывают рот послушной и вялой нашей публикѣ.

Что может привязывать евреев к Россіи? Воспоминаніе о тѣх страшных избіеніях, о той рѣзнѣ, которой не раз и не два подвергались евреи в Малороссіи в XVI, XVII и XVIII вѣках, когда они погибали тысячами и чуть не десятками тысяч? Или же память о недавних погромах, каков был Кишиневскій, Одесскій, Кіевскій? И если теперь еврейская молодежь пошла в ряды революціонеров и кое-гдѣ позволяла себѣ стрѣлять в портрет Государя,—надо ли думать, что это очень усилит симпатіи к евреям со стороны сплошных масс населенія, не разбирающих политических тонкостей. Конечно, в погромах пострадало и бѣдное, ремесленное, ни в чем неповинное еврейство; но гдѣ же тут разбирать, кто прав, кто виноват, когда всколыхнулась стоячая и темная, как вода болота, масса. И можно ли поручиться, что эти погромы будут

уже послѣдними!.. Или, быть может, евреев привязывают могилы их предков? Но вѣдь у них нѣт «культа предков», как у китайцев. И наконец, ничто так быстро не заводится, как новыя могилы. Уже второе поколѣніе будет имѣть их слишком достаточно.

Нѣт, нѣт! Если есть еще в еврейских массах творческая сила, способность ставить себѣ цѣли, порвать с прошлым и добиваться лучшей жизни—нельзя пройти равнодушно и вяло мимо такой перспективы. Иначе, вѣдь это фатализм, оправданіе всего существующаго лишь тѣм, что оно существует. Но оно мерзко—это существующее. Почему же сидѣть, сложа руки, когда есть возможность работать, стремиться, завоевать себѣ положеніе. Устроят ли евреи себѣ царство, королевство, или же республику,—вѣдь все равно, они могут жить самобытно, могут сказать еще и свое слово общечеловѣческой культурѣ, не говоря уже о том, что мы еще увидим, может быть, их войско, флот и флаг, их консулов и дипломатов (Кстати—Дизраэли был еврей). Вѣдь 20—25 лѣт, в которые все это можно осуществить,—песчинка, капля в морѣ времени, какое живет человѣчество. Над этим ли остановиться? над временными неудобствами и нѣкорым безпокойством!

В Февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» за настоящій год помѣщена статья Н. А. Крю-

кова: «Еврейскія колоніи в Аргентинѣ» (по личным наблюденіям). Автор и пишет из Буэнос-Айреса. Еврейскія колоніи в Аргентинѣ возникли благодаря щедрому пожертвованію барона Гирша, его вдовы и нѣкоторых еврейских ассоціацій. Автор не нахвалится благоустройством и процвѣтаніем этих новых сельскохозяйственных колоній. «Самое главное, что поразило меня—это картина хозяйственной жизни».—«Я видѣл, как бывшіе переплетчики, мелкіе торгаши, портные и проч. пашут, сидя на великолѣпных американских плугах, жнут на машинах; вообще, работают на землѣ, всецѣло поглощенные сельскохозяйственными заботами».—«Что прежде казалось невозможным, то осуществилось, что считали утопіей, то становится фактом».—«Важнѣе всего установить самый факт, что при извѣстной организаціи, при извѣстной затратѣ средств, можно скученное в грязных русских городишках еврейское населеніе превратить в сельских хозяев».—Тѣм лучше! Правда, с октября 1891 года, когда возникло предпріятіе, по 1-ое января 1904 года населеніе 4 колоній состояло лишь из 7,658 человѣк в составѣ 1,394 семей. Только это число евреев из Россіи и из Румыніи обратилось к земледѣлію. Но, это частное предпріятіе. Не может быть и сомнѣнія в том, что если все дѣло возьмет в руки Государство Русское, то оно согласится и взять на себя издержки по переселенію бѣднѣй-

шей части еврейскаго населенія и их первоначальное обзаведеніе на новых мѣстах. Это не исключает, конечно, финансоваго участія богатаго еврейства; но это ускорит дѣло и рѣшит его безповоротно ко взаимной выгодѣ обѣих сторон населенія.

Что мысль о своей собственной странѣ живет и среди евреев—доказывается хотя бы замѣткой в № 307 газеты «Слово», которая извѣщает, что VII конгресс сіонистов в Базелѣ отверг переселеніе в иную страну, кромѣ Палестины. Но меньшинство не согласилось с этим рѣшеніем и образовало «еврейскую территоріальную организацію». Во главѣ ея стоит писатель Зангвиль, а главное бюро находится в Лондонѣ (15 Essex street, Strand W), исполнительный комитет в Варшавѣ. «Цѣль организаціи—пріобрѣсти свободную территорію на автономных началах для тѣх евреев, которые не могут или не желают оставаться в тѣх странах, гдѣ они теперь обитают».

Г. Зангвиль ведет переговоры об Угандѣ с англійским министром колоній. Подписал секретарь исполнительнаго комитета—Я. Іоселев.

Во всем этом непонятно лишь рѣшеніе большинства конгресса: вѣдь Палестина в большей своей части — пустыня, которая не может прокормить пять с половиной—шесть милліонов наличных евреев. Но нужно же думать и о будущем!

Наконец, еврейскій вопрос есть не только русскій вопрос. В послѣднее время даже англичане, не смотря на привычные недоброжелательные возгласы по адресу притѣсненій, которыя чинят над евреями «русскіе варвары»,—сами англичане находят, что евреев у них стало слишком достаточно. И под разными соусами, с привычным лицемѣріем, стараются провести ограничительные законы для имиграціи в Англію. Наконец, Уганда находится под англійским «протекторатом». Тѣм лучше: вопрос об эмиграціи евреев на черный материк можно сдѣлать вопросом общеевропейским, а значит и отдать его на разсмотрѣніе международнаго трибунала, поскольку детали дѣла могут быть разработаны сообща. Такой трибунал уже есть: это Гаагская конференція. До сих пор она играла слишком скромную роль: она разбирала мелкіе, частные случаи; дѣла о захватах каких нибудь кораблей, о шальном выстрѣлѣ в чужих водах и т. п. Но это учрежденіе, прекрасное по замыслу, должно имѣть широкій круг дѣятельности; ему должно принадлежать будущее—и вот прекрасный случай для начала! Международный трибунал в Гаагѣ, облеченный довѣріем и полномочіями, может обсудить и провести в жизнь дѣло крупнѣйшей важности для милліонов и десятков милліонов людей. Не все же прекрасному этому институту сидѣть на мизерных ролях; не все же

штопать ему чулки человѣчества, когда он может взять на себя инициативу!

И так, вот проэкт, которым мы хотим посильно служить нашей родинѣ. Неужели *однородность состава* ея населенія при нынѣшней его пестротѣ,—вопрос настолько ничтожный, что над его разрѣшеніем не стоит задуматься? Впрочем, вопрос этот и сам не даст забыть о себѣ. Он властно постучится во всѣ двери, заставит поговорить о себѣ. Быть может, найдутся и другіе способы его разрѣшенія,—едвали, однако, столь же радикальные и прямо ведущіе к цѣли и к лучшему будущему.

Извѣстный Бебель говорит, что антисемитизм исчезнет с лица земли тогда, когда побѣдит коллективизм, т. е. когда будет достигнут идеал соціалистов. Благодарим покорно: это уже лучше болѣть, чѣм принимать такое лекарство!

.Эта однородность состава населенія, поскольку можно ее осуществить,—вопрос, который мучит нас. И раз об этом идет рѣчь, мы не можем, хотя и бѣгло, не остановиться здѣсь на другом, также близком и наболѣвшем вопросѣ. Это вопрос тѣх же мѣст, гдѣ живут и евреи: вопрос польскій.

Только что на земских съѣздах он вызвал и дебаты, и резолюціи. Одни им апплодировали. Другим такія резолюціи, как преподнесеніе нашими любезными князьями автономнаго сейма

для Польши,—показались необыкновенно дикими. Особенно, если принять в расчет, что ультралиберальные князья и их вдохновители не имѣли полномочій от русскаго народа. Но дѣло не в лицах, а в том, что польскій вопрос, дѣйствительно, острый и требует разрѣшенія. Разрѣшеніе и здѣсь возможно. Оно точно также не ново; мысль эта, или подобныя ей, высказывалась раньше и в печати, и людьми государственными. Но напомнить ее еще раз—очень кстати. Мысль эта—обмѣн польских губерній на восточную, т. е. русскую Галицію. Обмѣн, конечно, с Австріей. Губерніи: Кѣлецкая, Радомская, Петроковская и Калишская на лѣвом берегу Вислы; Варшавская, Плоцкая и часть Ломжинской—на правом ея берегу составят такую же площадь, как и Восточная Галиція с Буковиной. В руках Россіи останутся города: Ломжа, Сѣдлец и Люблин. Граница, начиная с сѣвера, может идти по вогнутой дугѣ до Вислы; причем, Остроленка, Остров, Сѣдлец, Луков и Ивангород остаются русскими. Исторически поляки (если отбросить в сторону фантазіи) не могут быть в претензіи на такую границу; ибо извѣстно, что коренное племя поляков сидѣло по рѣкам Одеру и Вартѣ; там была Великая Польша; там была колыбель польской исторіи; там древнѣйшіе города: Гнѣзно—резиденція примаса Польши с древнѣйших времен и город Познань. Все это теперь в нѣмец-

ких руках. Затѣм, в теченіе многих вѣков столицей Польши и королей был Краков — Малая Польша. Варшава долго была лишь городом мазуров—небольшого племени; и лишь Сигизмунд III в концѣ XVI вѣка сдѣлал Варшаву своею столицей. Правый же берег Вислы с древнѣйших времен был литовскій, о чем и свидѣтельствует названіе Бреста Литовскаго; а Холмская Русь (теперь Люблинская губернія), как и Восточная Галиція, были исконными русскими землями. На границѣ Галиціи, неподалеку от Сандоміра, в Вислу впадает с юга рѣка Сан. Это и есть этнографическая граница. У малороссов есть издавна и поговорка: «знай, Ляше, що по Сан— наше!» Здѣсь и должна идти граница, по р. Сану; а дальше, опираясь на исконные русскіе города — Ярослав и Перемышль, — упираться в границу естественную и великолѣпную, т. е. в Карпатскія горы. Кому приходилось из Волыни или Подоліи переѣзжать в Галицію, тот знает отлично, что границы там на самом дѣлѣ нѣт никакой; то же малорусское населеніе, тот же костюм и говор жителей, тѣ же хаты и внѣшній вид страны и то же обиліе евреев. Граница проведена там совершенно искусственно; она проведена в тѣ времена, когда с народностями не церемонились и кроили границы по-Меттерниховски. До 17-го октября естественную преграду для населенія Галиціи составляло то, что все же

в Австріи была хоть и плохая, но конституція. Хоть от владычества поляков приходилось и круто, но все же можно было бороться. Теперь не то. Теперь пора размежеваться с поляками. При обладаніи Привислинскими губерніями это невозможно; никакой мир не может быть прочен. К историческому спору, донынѣ не законченному, обѣ страны относятся слишком страстно. И нѣт такой силы, которая могла бы внести успокоеніе не столько в умы, сколько в сердца. Автономія или сепаратизм—все это только спор о словах; сердечности в отношеніях никогда быть не может. Не безконечно ли проще и лучше распутать этот узел раз навсегда. Надо размежеваться и—Suum cuique! Австрія есть государство федеральное. И если к коронѣ св. Стефана и св. Вячеслава прибавится еще и герб Ванды—это не измѣнит положенія. Но нельзя и подумать без восхищенія, как много выиграет наша родина, если эти два вопроса так благополучно разрѣшатся.

Как раз теперь у нас народились: манджурскій, китайскій, сахалинскій и цѣлый ряд дальне-восточных вопросов. Остался издавна неразрѣшенным ближне-восточный вопрос. Есть вопросы афганскій, памирскій. Волнуется Кавказ, Финляндія. Неужели всего этого мало, чтобы не стремиться развязать себѣ руки на западѣ?

И здѣсь опять на сцену может появиться Гааг-

скій трибунал. Из автономной Польши может быть образован буфер между сосѣдями, территорія котораго может быть объявлена неприкосновенной, как Бельгія, или Швейцарія. Вѣдь это косвенно снимет с плеч Европы изрядную долю бремени милитаризма.

Сейчас Россія соприкасается с Германіей на разстояніи 850 верст. И на каждой верстѣ нужно быть вооруженным до зубов. Тогда граница наша с Германіей будет всего лишь 350 верст. Развѣ 500 верст не выигрыш для мира, для народнаго кармана! Довольно взглянуть на карту, чтобы видѣть, каким нелѣпым языком вдается русская граница в Европу, благодаря Польшѣ; и как эта граница упростится при возможном новом размежеваніи. Но, кромѣ соображеній практических, чего-нибудь да стоит идейная сторона вопроса. Никогда и ни на каких началах обладаніе Польшей не принесет Россіи счастья, как не принесло его и до сих пор. Это тоже неудачный брак, и раздраженіе может лишь накопляться. Русским людям нужны силы на протяженіи собственной громадной родины; и нечего разбрасываться. Точно также, как полякам незачѣм владѣть русскими людьми в Галиціи. Львов должен отойти к Россіи. Быть может, мы доживем еще и до того, что во Львовѣ открыт будет памятник возсоединенія оторванной дочери от общей матери—родины. Но если мы можем мечтать о том, что в Ярославѣ будет поставлен русскій

памятник Ярославу Осмомыслу—русскому великому князю,—то поляки точно также в правѣ жаждать видѣть и назвать свою Варшаву «своею» цѣликом и нераздѣльно — без «московских» надписей на улицах и вывѣсках, со своим сеймом и университетом.

Когда просыпается народное самосознаніе—его не усыпишь. И мы привѣтствуем рѣшеніе правительства—предоставить финляндцам жить в Финляндіи по-своему; опять-таки нѣт никакой нужды растрачивать по чужим людям силы, которыя так нужны дома. Но Польша имѣла свою, когда-то блестящую, исторію; имѣла королей. И призраком автономіи ее не удовлетворишь. Тогда—к чему комедія; не проще ли быть откровенным и рѣшить дѣло окончательно?

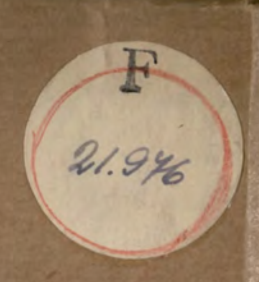
Еврейскій и польскій — два самых больных вопроса в Россіи. Надо размежеваться. Надо добиться возможной однородности в составѣ населенія; тогда вопросы об автономіях и неравенствѣ прав падут сами собою. Иначе не видно конца ни злобѣ, ни смутам.

Нам скажут, быть может, что все это фантазіи,—бумага все терпит. Практическіе люди едва прослушают нас с ироніей и скажут—«глупости». Но, господа практическіе люди, не слишком ли много высокомѣрія по адресу мысли! Скромная мысль не имѣет ни власти, ни реальной возможности распоряжаться. Практика жизни

в руках ея практиков. И тѣм не менѣе, не забывают ли они, что именно мысль владѣет міром и направляет его, куда найдет нужным. Горячим, лучшим адвокатом нам будет здѣсь Гейне. «Если бы, говорит Гейне,—я держал в рукѣ всѣ мысли этого міра крѣпко сжатыми, я попросил бы вас немедленно отсѣчь эту руку. Я не рожден быть тюремщиком мыслей,—видит Бог! Я всегда выпускал их на волю». Гейне убѣжден, что «мысль стремится стать дѣлом, слово хочет стать плотью; и самый мір есть не что иное, как внѣшнее проявленіе слова».— «Замѣтьте себѣ это вы, гордые люди дѣла», говорит дальше Гейне. «Вы не что иное, как безсознательные работники людей мысли, которые часто в смиреннѣйшей тишинѣ начертывают вам самый опредѣленный план ваших дѣйствій. Максимиліан Робеспьер был не что иное, как рука Жан-Жака Руссо. И тревожная тоска, отравлявшая жизнь Руссо, происходила быть может от того, что он уже предчувствовал, какой акушер понадобится для тѣлесных родов его мысли».

Конечно, мысли здѣсь высказанныя никак не могут идти в сравненіе с вліяніем мыслей Руссо; но вѣдь и дѣло идет не о французской революціи, а о мирном размежеваніи національностей для спокойнаго труда—каждый на собственной нивѣ своей.

Цѣна 20 коп.


F
21.976